

Поль Рикер: горизонты критической философии истории*

Б.Л. Губман

Тверской государственный университет, Тверь, Россия

К.В. Ануфриева

Тверской государственный университет, Тверь, Россия

Аннотация

В статье анализируется подход П. Рикера к задаче создания критической философии истории. Его обращение к этому вопросу рассматривается как следствие стремления показать необходимость освещения различных ракурсов герменевтической рефлексии процесса постижения истории. Выявление особенностей исследовательских процедур различного уровня от архивации исторических источников, работы по их пониманию и объяснению до построения нарратива, как показал Рикер, должно быть дополнено более глубокой герменевтической рефлексией, позволяющей обнаружить онтологическую основу постижения истории и нашей способности судить о ее целостности и смысловой динамике в глобальной перспективе. Принимая «метафизику конечности» М. Хайдеггера как основание истолкования историчности «бытия сознания», диктующей в финальной инстанции базовые апории нарративного описания событий, происходящих во времени, Рикер обнаружил значимость метаисторической рефлексии, позволяющей интерпретировать трансформацию категориальных оснований видения истории как единого процесса, конституированного через явление уникальных событий, их цепей и постоянно вызывающего к поиску смыслового содержания. Таким образом, отнюдь не отвергая итоги «критики исторического разума», приведшей к дискредитации субстанциальных схем историософского плана в постклассической западной мысли, он приходит к частичной реабилитации спекулятивного теоретизирования в границах критических допущений. Позаимствовав у Р. Арона сам термин «критическая философия истории», Рикер выстраивает ее в духе платформы «истории действия» Х.-Г. Гадамера и стратегии мысли Р.Д. Коллингвуда, а также исторической семантики Р. Козеллека. Сложившееся в XVIII столетии рефлексивное осмысление категориальных возможностей постижения истории, как всеобщей, создаваемой творческими усилиями человека и черпающей

* Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 17-33-00047 «Лингвистический поворот и историческое познание как проблема западной философии второй половины XX – начала XXI века».

отношение к вершащимся в ней событиям в его способности судить о них сквозь слияние горизонтов прошлого и «нашего настоящего», предстает основанием критической философии Рикера. Оно предполагает философское видение истории – открытой с точки зрения поиска ее смыслового содержания, дающей право на «не знающий срока давности» суд по поводу свершившегося в перспективе не только сугубо познавательного, но и морального отношения.

Ключевые слова: герменевтика, интерпретация, критическая философия истории, «метафизика конечности», апории времени, «история действия», историческая семантика, идея истории, смысл истории, приговор истории.

Губман Борис Львович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и теории культуры Тверского государственного университета.

gubman@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-7003-5522>

Ануфриева Карина Викторовна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и теории культуры Тверского государственного университета.

anufrieva.kv@tversu.ru

<https://orcid.org/0000-0002-9539-3630>

Для цитирования: Губман Б.Л., Ануфриева К.В. Поль Рикер: горизонты критической философии истории // Философские науки. 2019. Т. 62. № 9. С. 19–34. DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-9-19-34

Paul Ricœur: Horizons of Critical Philosophy of History*

B.L. Gubman

Tver State University, Tver, Russia

K.V. Anufrieva

Tver State University, Tver, Russia

Abstract

The article examines P. Ricœur's approach to the task of creating a critical philosophy of history. He turned to this issue as he felt it necessary, to highlight the different aspects of hermeneutic reflection on the process of comprehending history. According to Ricœur, identifying the features of research procedures on various levels, from archiving historical sources, analyzing and explaining, in order to build a consistent narrative, should be

* The research is supported by the grant of the Russian Foundation of Basic Research (RFBR), project no. 17-33-00047 "Linguistic turn and historical comprehension as a problem of Western philosophy in the second half of the 19th – beginning of the 21st century."

complemented by deeper hermeneutic reflection, to enable an ontological basis for comprehending history and judging its integrity and meaning in a global perspective. Accepting M. Heidegger's "metaphysics of finitude" as a basis for interpreting the historicity of Dasein, which in its final instance gives birth to the basic aporias of a narrative description of events occurring in time, Ricœur discovered the importance of meta-historical reflection, helping to understand the transformation of categorical foundations of viewing history as a universal process consisting of specific events and their strings, and constantly initiating the search for the renewal of its meaning. Thus, far from rejecting the results of the "critique of historical reason," which led to the discrediting of the substantialist historiosophical schemes in the post-classical Western thought, he comes to a partial rehabilitation of speculative theorizing within the boundaries of critical assumptions. Borrowing from R. Aron the term "critical philosophy of history," Ricœur interpreted it in the spirit of H.-G. Gadamer's "effective history" platform and R.D. Collingwood's strategy of thought, as well as R. Koselleck's historical semantics. Ricœur's critical philosophy is based on reflexive understanding of the categorical possibilities (extant since the 18th century) for considering history as universal and produced by the creative efforts of man, who is capable to judge the events through the confluence of the horizons of the past and "our present." This implies the philosophical assumption that history is characterized by an open horizon of meanings and gives historians a right to make judgment of past events in the cognitive and moral perspectives, "beyond time limits."

Keywords: hermeneutics, interpretation, critical philosophy of history, metaphysics of finitude, aporias of time, history of action, historical semantics, idea of history, meaning of history, sentence of history.

Boris L. Gubman – D.Sc. in Philosophy, Professor, Chair of the Department of Philosophy and Theory of Culture, Tver State University.
gubman@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-7003-5522>

Karina V. Anufrieva – Ph.D. in Philosophy, Associate Professor of the Department of Philosophy and Theory of Culture, Tver State University.
anufrieva.kv@tversu.ru
<https://orcid.org/0000-0002-9539-3630>

For citation: Gubman B.L. & Anufrieva K.V. (2019) Paul Ricœur: Horizons of Critical Philosophy of History. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 62, no. 9, pp. 19–34.
DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-9-19-34

Введение

Отчетливо осознавая кризис субстанциалистских теорий исторического развития, П. Рикер не считал нужным и перспективным всецело отказываться от присутствия спекулятивно-умозрительного

компонента при обобщениях истории. Он прекрасно представлял себе тот набор аргументов, который содержали лиотаровская критика метанаррации и возникшие еще до нее построения западных авторов, обличавшие неплототворность «историцистского» субстанционального теоретизирования, но полагал возможным критически отнестись к такого рода подходам и защитить возможность метаисторического видения. Отсюда и вырастает его заслуживающий пристального рассмотрения проект создания критической философии истории, отказавшейся от догматических детерминистских схем исторического процесса и притязавшей на открытость его герменевтической интерпретации.

Сам термин «критическая философия истории», по признанию Рикера, был заимствован им у Р. Арона. Однако задачи этой дисциплины мыслились им в экзистенциально-герменевтическом ключе, предполагающем рефлексивное осмысление оснований постижения истории как становящегося единства, утверждение неизбежности постоянной трансформации во времени метафизических предпосылок видения ее целостности [Gadamer and Ricoeur... 2011; Vallée 2012; Вдовина 2019]. Такой подход позволяет уйти от узко понимаемых эпистемологических задач философско-исторического теоретизирования и увидеть онтологические корни такового, предполагающие постоянную трансформацию смыслового содержания исторического целого [Arthos 2019; Hermeneutics and Phenomenology... 2016; Savage 2015]. История в таком ракурсе не только становится познаваемой предметностью, но и рассматривается в аксиологическом измерении [Shenge 2009]. Совершенные в ней деяния подлежат суду памяти, забвению и прощению.

Метаисторическая рефлексия и апории постижения времени

Размышления Рикера о возможности построения критической философии истории, ее структуре и задачах, категориальном аппарате рождаются на фоне конфронтации субстанциалистски ориентированных теорий исторического процесса и эпистемологических доктрин, отрицающих возможность и необходимость его спекулятивно-метафизического истолкования (см: [Блауберг 2012, 3–7]). Не отвергая значимости серьезной эпистемологической проработки проблематики исторического познания, Рикер отнюдь не склонен солидаризироваться с теми представителями аналитической философии, прагматизма и неопрагматизма, структурализма и постструктурализма, которые констатируют кончину спекулятивного видения истории. Напротив, в его анализе способа постижения минувшего звучит тема невозможности размышления об отдельных его фрагментах без учета глобальной картины свершившегося во времени

истории. «Ошибочно было бы полагать, — пишет Рикер, — что отсутствие философии истории спекулятивного типа можно восполнить только эпистемологией историографической операции. Остается еще пространство смысла для метаисторических понятий, относящихся к философской критике, родственной той, что была осуществлена Кантом в “Критике способности суждения”, и заслуживающей названия “критика исторического суждения”» [Рикер 2004, 413]. Подобного рода операция, заставляющая вспомнить о прочтении исторического познания в традиции неокантианства, и составляет, на его взгляд, основание критической философии истории, которая должна иметь герменевтический характер. Сам способ осуществляемой в ее рамках рефлексивной процедуры, раскрывающей стратегию понимания трех базисных моментов историографической операции (архивирования, объяснения/понимания и репрезентации), ее лимиты и возможности, по Рикеру, требует осмысления онтологических условий создания исторических произведений [Вдовина 2019, 193]. Вектор этого движения ведет к критико-метафизическим допущениям относительно значимости смыслового видения событий истории в контексте ее целостности. Одновременно он стимулирует более глубинное по содержанию рефлексивное усилие, фокусирующее внимание на историчности человеческого существования во времени как базисе историописания.

Именно невозможность абстрагироваться от «тайнства» времени, в котором изначально обнаруживает себя человек, составляет основание спекулятивно-метафизического компонента, присутствующего, по мысли Рикера, в критической философии истории. Понимание природы времени представляется ему возможным в примирении его феноменологической трактовки, предложенной Августином, и космологического видения, которое было разработано Аристотелем. Рассказ о происходящем в диахронной перспективе предстает в рикеровской трактовке своеобразным стыкующим звеном между этими двумя ракурсами истолкования времени. «Рассказанное время выглядит мостом, распростершимся над пропастью, которую не перестает преодолевать спекулятивная мысль между феноменологическим и космологическим временем» [Ricoeur 1985, 352]. В аристотелевской «Поэтике» обнаруживается, по Рикеру, первая значимая попытка представить специфику возможных способов наррации о том, что случилось во времени [Рикер 1998, 42]. Понимание наррации как формы постижения времени, вне которой немислимо человеческое существование, ставит, конечно же, вопрос о том, насколько историческое повествование способно сопрягать фиксацию конкретной цепи диахронно свершившихся событий с глобальным видением единства минувшего. Рассуждая об этом, Рикер утверждает, что несогласие

с построением глобальных форм исторической метанаррации, присущих классической философии эпохи Модерности, отнюдь не должно вести к отказу от критически обоснованных многообразных спекулятивно-метафизических оснований постижения единства истории, позволяющих наделять ее звенья и целостность смысловым содержанием. В итоге такого рода размышления в его собственных построениях находят свое обоснование на базе хайдеггеровской «метафизики конечности» [Хайдеггер 2013, 181].

В границах немецкой классической философии Рикер обнаруживает два основных варианта видения единства всемирной истории, связанные с именами И. Канта и Г.В.Ф. Гегеля. Кантовская трактовка идеи всеобщей истории во всемирно-гражданском плане рассматривается им как «регулятивная», позволяющая наделять единым смысловым содержанием многообразие событий минувшего, сопряженных с настоящим. Гегелевский подход к истолкованию единства истории характеризуется Рикером как «конститутивный», ибо здесь речь идет об определяющей идее, в которой совпадает рациональное и реальное, т.е. избранный философский принцип рассматривается как основание единения во времени человечества. «В первом значении история должна стать всеобщей, всемирной; во втором она является всемирной, всеобщей, как становление, порождающее в своем движении самого себя» [Рикер 2004, 425]. Если кантовский подход к рассмотрению всеобщей истории представляется Рикеру достаточно продуктивным и созвучным современным исканиям в области критической философии истории, то «тотализирующий» взгляд на этот сюжет Гегеля вызывает у него жесткое неприятие.

Гегель, по мысли Рикера, всецело подчинил историю философскому ракурсу ее видения, предполагающему диалектическое саморазвертывание в ней Духа на пути к свободе. Рикер справедливо подмечает, что Гегель по сути изменил собственному намерению, представленному во «Введении» к его «Философии истории» и предполагавшему написание «философской истории», которая должна была противостоять тому самому «тотализирующему» подходу, который в конечном счете восторжествовал в его труде [Ricoeur 1985, 297–298]. Реальное рождение свободы в истории, на его взгляд, скорее может быть чем-то подобным «семейным сходствам», открытым в семантике обыденного языка Витгенштейном.

В итоге субстанциалистский вариант поиска триумфального шествия Духа в истории оказывается философией «вечного настоящего», отбрасывающей тонкое переплетение моментов исторического времени, его прошлого, настоящего и будущего, «работающее» в постижении и творении истории. «Оставаться в настоящем – это для прошлого означает пребывать. И оставаться означает пребывать в вечном настоящем спекулятивной мысли» [Ricoeur 1985, 292].

Динамика исторического времени, реализующаяся в «заброшенности» экзистенциального субъекта в его поток, в подобном варианте оказывается непредставимой. Возможный рассказ о случившемся с позиций различных повествователей, способных к диалогическому взаимодействию, заменяется метарассказом от лица философа, видящего историю в кадре абсолютного начала с его неизменной характеристикой настоящего.

Расставание с гегелевской стратегией «тотального опосредования» событий, обнаруживаемых во времени истории единым началом Духа, отнюдь не означает для Рикера отказа от поиска альтернативного мыслительного варианта. Он считает, что им должен стать подход, предполагающий «несовершенное опосредование», отвергающее гегелевское снятие, сохранение момента предшествующего развития в тотальности рефлексивного саморазвертывания абсолютного рационального субстанциального начала, которое и есть реальность истории. Такое «несовершенное опосредование» принимает, в противоположность «тотализации», открытость цели истории, ее незавершенность, сеть пересекающихся перспектив ожидания будущего, рецепции прошлого и восприятия настоящего. Развитие подобной платформы видения истории возможно, как полагает Рикер, на базе синтеза эпистемологических установок и онтологических проекций англо-американской нарративистской философии истории и герменевтических идей, укорененных в финальной инстанции в фундаментальной онтологии Хайдеггера.

Рикер был хорошо знаком с сочинениями многих представителей англо-американской философии истории. Во «Времени и рассказе» представлены персональные очерки идей У. Дрэя, А. Данто, У.Б. Галли, Л.О. Минка и Х. Уайта, раскрывающие грани их творчества, сопряженные с теорией наррации. Сторонники этого тренда мысли, испытавшие влияние Л. Витгенштейна и других приверженцев лингвистической философии, прагматизма и неопрагматизма, неокантианства, неогегельянства Б. Кроче и Р.Д. Коллингвуда, дали серьезный эпистемологический анализ специфики исторических предложений и предполагаемых таковыми метафизических допущений относительно событий, вершащихся во времени, показали роль продуктивного воображения в создании нарратива о минувшем, его отличительные познавательные характеристики, «конфигуративные» особенности, роднящие художественное и историческое повествование. Они выявили также наличие неискоренимого «спекулятивного» компонента при создании видения взаимосвязи конкретных событий, рассказываемых историком, и конструируемого единства всеобщей истории. Рикер полагал, что их построения созвучны предлагаемому им пониманию герменевтики открытости исторического сознания как основы критической философии истории. Следуя параллельным

герменевтике курсом, нарративисты, по Рикеру, показали, используя терминологию Л.О. Минка и Х. Уайта, отсутствие «единого сюжета» истории в его гегелевском прочтении. «Несмотря на соблазнительность идеи, хитрость разума не есть обстоятельство, охватывающее все потрясения театра истории, поскольку реализация свободы не может быть принята как интрига, лежащая за каждой интригой истории» [Ricoeur 1985, 298]. Таким образом, расставание с гегельянством выглядит, по Рикеру, отрицанием глубинной интриги истории. Одновременно оно само по себе предстает как акт истории, задающий иную перспективу ее видения.

Этот иной вариант постгегельянского прочтения истории, по мнению Рикера, наиболее полно представлен в герменевтике Х.-Г. Гадамера, неразрывными узлами сопряженной с основоположениями «метафизики конечности» Хайдеггера. Гадамеровская концепция «истории действия», демонстрирующая вовлеченность человека в историю, «затронутость» таковой, оказывается для Рикера путеводной нитью для разработки концепции герменевтики исторического сознания как методологического основания критической философии истории. Рикер убежден, что «частичная идентификация между сознанием, подверженным воздействию истории, и рецепцией текстов прошлого, переданных нам, позволила Гадамеру двинуться от хайдеггеровской темы понимания исторического... к противоположной теме историчности самого понимания» [Ricoeur 1985, 321]. Гадамер говорит, таким образом, о воздействии на человека, существующего в настоящем, прошлого, которое дано в его языковом и текстовом измерении. Такого рода действие прошлого в настоящем оборачивается «сплавлением» их горизонтов. Более того, следуя Коллингвуду, разработавшему логику вопроса и ответа, Гадамер приходит к выводу о вопрошании, идущем не только в настоящем, но и адресованном нам минувшим. «Прошлое вопрошает нас в той мере, в какой мы вопрошаем его. Оно отвечает нам так же, как мы отвечаем ему» [Ricoeur 1985, 322]. Это измерение логики вопроса и ответа показывает, что пространство подобного диалога во времени не является пустым, а наполнено смыслом, с которым и призвана работать герменевтика исторического сознания. Для постижения возможностей и лимитов исторического сознания Рикер полагает важным раскрытие содержания трех основных апорий, задающих формат осмысления в его границах феномена времени.

Первая апория «нарративной идентичности» возникает при попытке соотнесения феноменологически переживаемого и космологического времени. Рикер подмечает, что эта апория, намеченная соответственно в произведениях Августина и Аристотеля, обозначает два диаметрально противоположных подхода к феномену времени. Время переживаемое и время, сопряженное с движением физически фиксируемых предме-

тов, рисуют мир в двух диаметрально противоположных измерениях. Соотнесение таковых видится ему возможным лишь при обращении к стратегии наррации. Рикер уверен, что поэтика повествования позволяет соединить полюса постижения времени, которые спекулятивно-умозрительная мысль способна лишь разъединять [Ricoeur 1985, 36]. Сохранение контраста между субъективно переживаемыми и объективно следующими во времени событиями не мешает рассказу представлять их в некотором единстве, что является важным для определения специфики исторического сознания, задаваемой в его границах индивидуальной и коллективной нарративной идентичности.

Не менее значима для осознания особенностей развертывания исторического сознания и вторая апория «тотальности и тотализации», характеризующая темпоральность. Эта апория, по мысли Рикера, «рождается из разъединения трех измерений (ek-stases) времени – будущего, прошлого, настоящего, несмотря на неизбежное определение времени как индивидуального собирательного понятия» [Ricoeur 1985, 359]. Время одновременно понимается, если рассматривать его в этом ракурсе, как единое и данное в соединении трех его измерений. Рикер, отвергая гегелевский вариант трактовки времени как «тотальности», где царствует процедура диалектического «снятия» и вечное настоящее, говорит о «тотализации» как способе единения ипостасей времени при сохранении их разнородности. Он подробно анализирует концепции единства измерений времени, разработанные в сочинениях И. Канта и Э. Гуссерля, но солидаризируется в итоге с трактовкой времени М. Хайдеггера как производного от экзистенциала «заботы», составляющей основу постоянно трансформирующегося единения трех его «ликов» [Ricoeur 1985, 364]. Такое понимание времени также требует обращения к наррации как основанию тотализирующего и постоянно открытого грядущему исторического сознания.

Акцент примата грядущего, открытости ему звучит и в заключительной атории «непостижимости времени и лимитов повествования». Рассуждая о своеобразной «тайне» времени, внутри которого человек изначально пребывает, Рикер говорит, что его отношение к теме во многом продиктовано опытом библейской экзегезы, заставляющей задуматься о лимите любого повествования. В конечном итоге парадоксальным образом именно эта граница повествования стимулирует дальнейший поиск. «Неверно, что вера в границы нарратива уничтожает утверждение идеи единства истории с ее этическими и политическими импликациями. Скорее она призывает к этой идее. Не следует говорить также, что вера в таинство времени, коррелятивная вере в мистику времени, оставляет пространство обскурантизму» [Ricoeur 1985, 392]. Стремление исторического сознания к постоянному самопревосхождению, обретению новых предпосылок постижения времени также оказывается стартовой

точкой построения герменевтического варианта критической философии истории.

«Метафизика конечности»

и критическая философия истории

Отвергая способ теоретизирования, присущий классической философии истории, Рикер отнюдь не отказывается от идеи значимости глобального видения всемирно-исторического развития. Построение такового выглядит реализуемым путем герменевтического осмысления динамики становления во времени исторического сознания. Показывая, что спекулятивно-умозрительные основания неминуемо присутствуют при постижении саморазвертывания во времени исторического сознания, Рикер отправляется в своем поиске источника этого процесса от «метафизики конечности» Хайдеггера и учения Гадамера об «истории действия». Одновременно он утверждает, что для проникновения в имманентный строй исторического сознания, его понятийно-категориальную структуру, взятую во временной динамике, требуется обращение к работам Р. Козеллека.

Комментируя построения Козеллека, Гадамер увидел в них перспективный путь синтеза герменевтики и аналитики категориального строя исторического сознания [Koselleck 2000, 124]. Подход Козеллека рассматривается Рикером как эффективный способ метарефлексии по поводу трансформации априорных категориальных оснований постижения времени истории путем обращения к семантике языка, используемого профессиональными историками. После беспощадной критики тотализирующего историософского мышления, «высокомерного», по определению Рикера, отбрасывания спекулятивных конструкций О. Шпенглера и А.Д. Тойнби, действительно, остается вопрос о возможности и предпосылках постижения истории и ее временной динамики как некоторого рода единства. Ведь если история как единство не может быть мыслительно представлена, то рассуждения об отдельных ее сегментах также окажутся вне временных рамок нашей мысли. Говоря в связи с обсуждением воззрений Козеллека о необходимости сохранения идеи единства истории как некоторого трансцендентального регулятива, позволяющего наделять смыслом как ее целостность, так и отдельные событийные цепи, Рикер опирается не только на наследие Канта, но и на философию Коллингвуда. В размышлениях Рикера допущение «метафизики конечности», раскрывающей исток «историчности» как вытекающей из самой специфики человеческого существования, имеет, таким образом, своим противоположным полюсом необходимость мыслительного обращения к идее единства истории как

позволяющей рассуждать о том, что свершилось и имеет отношение к переживаемому нами настоящему.

Герменевтическая рефлексия обнаруживает, что само понятие «истории» в его современном звучании принадлежит XVIII столетию и в значительной мере отличается от его смыслового истолкования в предшествующий период. Традиционно прошлое как процесс в немецком языке именуется словом *Geschichte*, а постижение его носит имя *Historie*. «Это характерное значение истории, предполагающее, что она в то же время – знание о себе, может рассматриваться как общая формулировка антропологически данной арки, соединяющей и связывающей исторический опыт со знанием такового. С другой стороны, слияние обоих значений – исторически специфическое событие, впервые отмечаемое в восемнадцатом столетии. Можно показать, что формирование собирательного индивидуального понятия “*Geschichte*” – это семантическое событие, открывающее модерный опыт» [Koselleck 2004, 93]. Таким образом, единство истории как процесса и знания о нем – достояние лишь XVIII столетия. Единство истории охватывает отныне многообразие историй. Рикер полагал значимым этот вывод Козелека, знаменующий собой перевод понимания истории в ранг реальности, отличной от не только теологически зафиксированного миропорядка, но и естественно-природного универсума.

Рикер солидаризируется с Козеллеком в том, что возникшее новоевропейское понимание истории не только модифицирует ее видение как «наставницы жизни», но и предполагает новое истолкование автономии исторического времени. «Древнее определение, восходящее к Цицерону (“История есть правильный рассказ о прошлом”), как и характерное для античности приписывание *historia* педагогической функции (*historia magistra vitae*), воспроизводятся в новом опыте истории, которая в своем осуществлении рефлексивирует над собой. Этой рефлексивностью истории обуславливается специфическое понятие исторического времени, собственно историческая темпорализация» [Рикер 2004, 421]. Отныне рефлексивно постигаемое историческое время требует особого измерения при фиксации его событийного и эпохального наполнения, демонстрируя собственную нередуцируемость к времени физических явлений.

В связи с новым толкованием истории возникает и ее трактовка как всецело произведенной усилиями человека. Фиксируя вслед за Козеллеком это обстоятельство как важное для построения критической философии истории, Рикер справедливо усматривает в нем основание для утверждения просвещенческого прогрессистского видения истории как особого типа понимания соотношения минувшего, настоящего и грядущего во времени истории. Историческое сознание, становясь своеобразным абсолютным началом, подрывает

веру в прошлое, осуществляя разрыв с ним на грани настоящего и предвосхищаемого будущего.

Рикер рефлексивно осваивает построения Козеллека как основание для собственной герменевтически ориентированной критической философии истории, принимая трактовку исторического опыта, предложенную Гадамером. Для Гадамера исторический опыт концентрируется в сочетании моментов веры, понимания и игры, которая связана с непредвиденностью вторжения события и реакции на него [Gadamer 1977, 53]. Козеллек интересен Рикеру тем, что он демонстрирует конкретную динамику исторического опыта как основу реальных сдвигов исторического сознания, произошедших именно в эпоху Нового времени.

Вслед за тем, что достоянием новоевропейского сознания становится утверждение самодостаточности истории в качестве «независимого субъекта», по мысли Рикера, реализуется и иная претензия «возведения в абсолют исторического настоящего», рассмотрение современности (*modernité*) как некоего пункта наблюдения за ходом социокультурных изменений, вершащихся в потоке времени. Когда речь идет о «нашей современности», то, с его точки зрения, неминуемо возникает ее видение как некоей абсолютной точки обзора целостности истории, которая сама притязает с XVIII столетия на некий исключительный статус по отношению к любому из ее событий. Интерпретируя это обстоятельство, Рикер опирается на филологическую герменевтику Х.Р. Яусса, его концепцию «исторических рекурентностей» [Jauss 1989, 29–43]. В итоге Рикер заключает, что «наша современность» не может быть абсолютной позицией, поскольку сама определима лишь по отношению к иной, противоположной ей эпохе [Рикер 2004, 436]. Современность, как бы она не именовалась, присваивает себе статус превосходства по отношению к иным эпохам, с которыми она себя соотносит. Солидаризируясь с размышлениями Ж. Ле Гоффа, Рикер справедливо констатирует, что критическая философия истории должна не забывать о том, что бинарное противопоставление современности иной эпохе может соседствовать с вариантом «возрождения» прошлого как эталона культурной современности. Сегодня мы видим вариант понимания современности как отрицающей модерн и ее культурные основания. Понимаем ли мы ее как «постмодерн» (Ж.-Ф. Лиотар) или же как «незавершенный модерн» (Ю. Хабермас) – это составляет вопрос, который представляет сюжет для дискуссий и видится Рикеру открытым.

Находясь в горизонте открытости исторического времени, критическая философия истории, как полагает Рикер, способна, опираясь на размышления историков, подвергать суду разума в его теоретической и нравственной ипостасях те события минувшего, которые

не утратили своей актуальности. В этом смысле суд истории, — и тут следует с ним согласиться, — несколько не менее значим, нежели действия государственного или международного правосудия. Юридическая процедура всегда формализована и проходит в рамках определенных норм, призванных оценить деятельность прежде всего конкретных лиц с точки зрения законности их деяний, хотя это не исключает и возможности приговора институциям и даже идеологии. Суд истории вершится, как правило, после того как преступления получили юридическую оценку, хотя известны и ситуации, когда судебный вердикт за кровавые злодеяния так и остается не вынесенным. Так или иначе, историк формулирует свой приговор в несколько иных условиях, не предполагающих публичного судебного слушания и одновременно допускающих возможность обращенных к широкой аудитории более общих суждений относительно виновности не только того ограниченного круга осужденных, которые несут наказание сообразно с приговором [Рикер 2004, 454–455]. Историк вправе показать в академической и моральной перспективе порочность практик, которые не были судебно осуждены, например, государственного насилия, направленного против личности, тоталитарных режимов минувшего века [См.: Savage 2015; Shenge 2009]. Рикер верно констатирует не только это обстоятельство, но и то, что суд истории не знает срока давности. Этот суд ориентирован на понимание единичности исторических феноменов, даже при наличии сравнительных моделей и аналогий, типологических обобщений. В случае, например, обсуждения Холокоста спор историков на публичной сцене, по его убеждению, должен иметь результатом «ретроспективное суждение о преступлении» и «клятву избежать его повторения», позволяющую уйти от «бесконечного оплакивания и демобилизующей меланхолии», «порочного круга обвинения и оправдания» [Рикер 2004, 467].

В финальной инстанции критическая философия истории должна, по мысли Рикера, продемонстрировать, что интерпретации исторического плана при всем многообразии их разноплановых оснований, сопряженных с деятельностью субъекта, отнюдь не свидетельствуют о невозможности постижения истины о событиях, вершащихся во времени. «История, — писал Рикер, — создает историка в той же мере, в какой историк создает историю. Или, точнее: ремесло историка создает *и* историю, *и* историка» [Рикер 2002, 46]. Однако вовлеченность в историю и творческая субъективность историка не являются, на его взгляд, непреодолимым препятствием в осуществлении задачи постижения историком истины. Уже на раннем этапе своего творчества Рикер принимает позицию Р. Арона и А.-И. Марру о том, что многообразие точек зрения, интерпретативных стратегий должно способствовать в ходе реконструкции событий и процессов минувшего приближению историка к объективному постижению их содер-

жания. «Историк составляет последовательность и в соответствии со своей перспективой и своими ценностями, – утверждал Арон, – фиксирует связи и смысл движения» [Арон 2000, 348]. Солидаризируясь с этим подходом, Рикер полагает, что интерпретация, пронизывая все три фазы исторической процедуры, призвана способствовать верному и многогранному постижению изучаемых феноменов. Он призывает «открыто говорить о корреляции между интерпретацией и истиной в истории» [Рикер 2004, 477]. Рикер говорит о том, что историческое исследование неотрывно от критической номинации и характеристики изучаемых феноменов в языке, и именно этот процесс, представляющийся ему убедительно раскрытым Ж. Рансьером, есть свидетельство всепроникающей мощи интерпретации [Rancière 1994, 36]. Поэтика исторического текста, располагаясь между критической и онтологической герменевтикой, прокладывает таким образом путь к доказательству возможности критической философии истории на базе «метафизики конечности».

Выводы

В своем понимании возможностей и границ постижения истории П. Рикер исходил из необходимости сочетания герменевтической рефлексии тех познавательных процедур, которые используются историками-профессионалами при создании рассказа о случившемся в прошлом, с осмыслением глубинных оснований человеческой способности понимать и интерпретировать случившееся во времени. Герменевтическая рефлексия первого уровня оказывается в основном рассмотрением исследовательских практик архивирования, понимания и объяснения исторического материала, а также процедуры наррации. Тогда как герменевтика второго уровня вскрывает не только онтологическую основу бытия человека как источника истории, основные апории его пребывания во времени, но и заставляет размышлять о возможности создания критической философии истории. Рикер справедливо подметил, что отвержение спекулятивной субстанциалистской философии истории, весомо прозвучавшее в устах представителей различных школ «критики исторического разума», еще отнюдь не означает снятие проблемы метаисторической рефлексии. Возрождение спекулятивной проблематики в границах принимаемых критико-эпистемологических допущений, выяснение трансформации категориальных оснований истории как академической дисциплины, стремление увидеть единство истории за конкретными частными повествованиями о ее событиях резонно констатируются им как требующие построения современного варианта критической философии истории. Рикер принимает видение историчности бытия человека во времени в редакции «метафизики

конечности» Хайдеггера, чтобы затем наметить конкретный абрис философской метаистории на базе концепции «истории действия» Гадамера, построенный Коллингвуда и исторической семантики Козеллека. Реконструируя способ и категориальную структуру новоевропейского исторического мышления, он демонстрирует и свой взгляд на всемирную историю в ее незавершенной открытости. Критическая философия истории Рикера несет в себе пафос постоянного поиска новых граней постижения смысла минувшего, его видения не только в познавательной, но и в моральной перспективе.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Арон 2000 – Арон Р. Избранное: Введение в философию истории. – М.: Университетская книга, 2000.

Блауберг 2012 – Блауберг И.И. Предисловие // Западная философия конца XX – начала XXI в. Идеи. Проблемы. Тенденции / под ред. И.И. Блауберг. – М.: ИФ РАН, 2012. С. 3–7.

Вдовина 2019 – Вдовина И.С. Поль Рикер: на «Елисейских полях» философии. – М.: Канон +, 2019.

Рикер 1998 – Рикер П. Время и рассказ. Т. 1. – М.; СПб: Культурная инициатива; Университетская книга, 1998.

Рикер 2002 – Рикер П. История и истина – СПб.: Алетейя, 2002.

Рикер 2004 – Рикер П. Память, история, забвение. – М.: Издательство гуманитарной литературы, 2004.

Хайдеггер 2013 – Хайдеггер М. Основные понятия метафизики. – СПб.: Владимир Даль, 2013.

Arthos 2019 – Arthos J. Hermeneutics after Ricoeur. – L.– N.Y.: Bloomsbury Academic, 2019.

Hermeneutics and Phenomenology... 2016 – Hermeneutics and Phenomenology in Paul Ricoeur: Between Text and Phenomenon / ed. by S. Davidson and M.-A. Vallée. – Cham: Springer, 2016.

Gadamer 1977 – Gadamer H.-G. Philosophical Hermeneutics. – Berkley, CA: University of California Press, 1977.

Gadamer and Ricoeur... 2011 – Gadamer and Ricoeur: Critical Horizons for Contemporary Hermeneutics / ed. by F.J. Mootz III and G.H. Taylor. – London; New York: Bloomsbury Publishing, 2011.

Jauss 1989 – Jauss H.R. Question and Answer: Forms of Dialogic Understanding. – Minneapolis: University of Minnesota Press, 1989.

Koselleck 2000 – Koselleck R. Zeitschichten. Studien zur Historik. Mit einem Beitrag von Hans-Georg Gadamer. – Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2000.

Koselleck 2004 – Koselleck R. Futures Past. On the Semantics of Historical Past. – New York: Columbia University Press, 2004.

Rancière 1994 – Rancière J. The Names of History. Poetics of Knowledge. – Minneapolis: University of Minnesota Press, 1994.

Ricœur 1985 – Ricœur P. Temps et récit. T. 3 : Le temps raconté. – Paris: Seuil, 1985.

Savage 2015 – Savage R. (Ed.) Paul Ricœur in the Age of Hermeneutical Reason: Poetics, Praxis, and Critique. – Lanham, MD: Lexington Books, 2015.

Shenge 2009 – *Shenge A. L. Paul Ricœur : La justice selon l'espérance.* – Brussels: Lessius, 2009.

Vallée 2012 – *Vallée M.-A. Gadamer et Ricœur. La conception herméneutique du langage.* – Rennes: Presses universitaires de Rennes, 2012.

REFERENCES

Aron R. (2000) *Selected Works: An Introduction to the Philosophy of History.* Moscow: Universitetskaya Kniga (Russian translation).

Arthos J. *Hermeneutics after Ricoeur.* London: Bloomsbury Academic.

Blauberg I.I. (2012) Preface. In: Blauberg I.I. (Ed.) *Western Philosophy of the End of the 20th – Beginning 21st Century. Ideas. Problems. Trends* (pp. 3–7). Moscow: Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Davidson S. & Vallée M.-A. (Eds.) (2016) *Hermeneutics and Phenomenology in Paul Ricoeur: Between Text and Phenomenon.* Cham: Springer.

Gadamer H.-G. (1977) *Philosophical Hermeneutics.* Berkley, CA: University of California Press.

Heidegger M. (1983) *Die Grundbegriffe der Metaphysik.* Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann (Russian translation: Saint Petersburg: Vladimir Dal', 2013).

Jauss H.R. (1989). *Question and Answer: Forms of Dialogic Understanding.* Minneapolis: University of Minnesota Press.

Koselleck R. (2000) *Zeitschichten. Studien zur Historik. Mit einem Beitrag von Hans Georg Gadamer.* Frankfurt am Main: Suhrkamp.

Koselleck R. (2004) *Futures Past. On the Semantics of Historical Past.* New York: Columbia University Press.

Mootz III F.J. & Taylor G.H. (Eds.) (2011) *Gadamer and Ricoeur: Critical Horizons for Contemporary Hermeneutics.* London: Bloomsbury Publishing.

Rancière J. (1994) *The Names of History. Poetics of Knowledge.* Minneapolis: University of Minnesota Press.

Ricœur P. (1955) *Histoire et vérité.* Paris: Seuil (Russian translation: Saint Petersburg: Aletheia, 2002).

Ricœur P. (1983) *Temps et récit. T. 1 : L'intrigue et le récit historique.* Paris: Seuil (Russian translation: Moscow; Saint Petersburg: Kulturnaya initsiativa; Universitetskaya kniga, 1998).

Ricœur (1985) *Temps et récit. T. 3 : Le temps raconté.* Paris: Seuil.

Ricœur P. (2000) *La mémoire, l'histoire, l'oubli.* Paris: Seuil (Russian translation: Moscow: Izdatelstvo gumanitarnoy literatury, 2004).

Savage R. (Ed.) (2015) *Paul Ricoeur in the Age of Hermeneutical Reason: Poetics, Praxis, and Critique.* Lanham, MD: Lexington Books.

Shenge A.L. (2009) *Paul Ricoeur : La justice selon l'espérance.* Brussels: Lessius (in French).

Vallée M.-A. (2012) *Gadamer et Ricoeur. La conception herméneutique du langage.* Rennes: Presses universitaires de Rennes, 2012.

Vdovina I.S. (2019) *Paul Ricoeur on "Champs-Élysées" of Philosophy.* Moscow: Kanon+ (in Russian).